

БОГИ, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК: РОЛЬ СВЯЩЕННОГО ДУБА В МАНТИКЕ ДОДОНСКОГО ОРАКУЛА

С. С. КАЗАРОВ
Южный федеральный университет
ser-kazarov@yandex.ru

SARKIS KAZAROV
South Federal University (Russia)
GODS, NATURE, HUMANITY: THE ROLE OF THE SACRED OAK IN THE MANTICA
OF THE DODONIAN ORACLE

ABSTRACT. The ancient Greeks, being superstitious like other people, worshiped the forces of nature. They always strived to live in harmony with nature. The most popular tree, associated by the Greeks with the supreme god Zeus, was the oak. One of the most ancient and authoritative sanctuaries of ancient Greece was the oracle of Dodona, on whose grounds grew a sacred oak tree, the fame and authority of which dates back to Homeric times. Despite the assertions of some scholars, the sacred oak tree was not the “home” of Zeus—the ruler of all the gods resided high on Olympus. At a certain stage in the functioning of the Dodona oracle—a role also once played by the sacred spring and copper cauldrons—the sacred oak tree acted as a relay for Zeus’s will, which was heard through the rustling of leaves, the creaking of branches, and so on. Thus, a connection was established: the questioner—the sacred oak tree—the god Zeus. The sacred oak survived until the reign of Theodosius, when it was destroyed by order of the emperor.

KEYWORDS: oak, Dodona, oracle, temenos, mantika, Zeus.

.... *niger ilicis umbra,*
quo posses viso dicere ‘numen inest.’
(Ovid. Fast. 295-296)

Территория любого древнегреческого святилища – теменос (τέμενος) в понимании эллинов – это «отрезанный» от остального профанного мира сакральный участок, составными частями которого были родник-источник, какое-либо священное дерево и алтарь (Фрезер 2003, 220). Одна из составных частей теменоса, священное дерево, и станет целью нашего исследования.

Все известные культуры имеют отдельные, выделенные, священные природные пространства. Это могут быть горные вершины, пещеры, мысы, источники или водоемы. Очень часто ими являлись отдельные деревья, рощи или леса. В зарубежной науке благоговение и любовь к этим священным местам получила название «геофилия» (Faulstich 1998, 81–89) или «биофилия» (Wilson 1984).

Большинство народов с почтением относятся к деревьям, или даже «любят» их, поскольку они обеспечивают их множеством полезных ресурсов. Более того, они являются средой обитания для желаемой фауны, защищают водоразделы, берега рек и источники от эрозии, дают тень людям и их животным и являются источником эстетического наслаждения. Утилитарное отношение часто приводит к их вырубке, чтобы превратить их в полезный материал. Другое отношения к деревьям, однако, включающие уважение, благоговение, поклонение или страх, будут называться «священными» и обычно приводят к охране и сохранению деревьев или лесов, а не к их использованию. Деревья, рощи или леса становились священными благодаря признанию некой внеземной божественной силы, которой они обладали. Эта сила могла вызывать в людях чувства преклонения, благоговения или страха (было предложено множество других эмоциональных чувств, но эти три охватывают спектр, которого достаточно для этой статьи). Священные отдельные деревья и группы деревьев характеризовали почти каждую культуру, и религию, где деревья способны расти. Даже в практически безлесных пустынях финиковая пальма стала Древом Жизни для ранних семитов. Для наших предков, которые жили ближе к земле, чем многие из нас сегодня, или даже для традиционных обществ, деревья часто были не только важными поставщиками ресурсов, но и становились мощными символами плодородия, щедрости, постоянства, рождения и роста, убежища, исцеления, силы, энергии, красоты и вдохновения. Более того, некоторые виды деревьев и даже рощи считались космическими центрами, обителью богов или могущественных духов. Таким деревом не только для греков, но и для многих народов Европы стал дуб. Почему в качестве главного священного дерева был избран именно дуб, ответ напрашивается сам собой: у народов Европы он считался самым могучим и самым древним деревом.

«Как орел между птицами, как лев между зверями, так дуб между деревьями, не только русскими, но и вообще европейскими, считается царем, по своей могучей, величественной красоте и выражающейся в нем силе», – писал профессор Д. Н. Кайгородов в одной из своих работ (Кайгородов, 1897, 28).

Древние греки также старались находиться в гармонии с природой. Они не взрывали горы, не перегораживали реки, не осушали болота, не выкорчевали леса (Андреев 1998, 35). К дубу древние греки относились с особым почитанием. По словам Павсания, додонский дуб по своей древности занимал в Греции второе место, уступая лишь иве, растущей на территории известного Герайона на Самосе (Paus. VIII. 23. 4).

Об особом интересе древних греков к дубу свидетельствует произведение греческого ботаника Теофраста, в котором он дает подробнейшую классификацию его разновидностей (Theophr. Hist. plant. III.8.2.). На основании упомянутой классификации некоторые исследователи попытались развить идею об использовании в пищу желудей. По словам самого Теофраста, желуди различают по сладости, по форме и по цвету (Theophr. Hist. plant. III. 8. 3). Хотя сам Теофраст об употреблении желудей местными жителями в пищу ничего не сообщает, намек на это мы находим у Страбона, который писал, что в древности первые люди употребляли желуди в пищу (Strab. VII. 1. 1с). Павсаний ставил в заслугу древнему прародителю Пеласгу то, что именно он первым научил людей употреблять в пищу желуди (Paus. VIII. 1. 2). До состояния *plus ultra* мысль о том, что Додона в ранние времена была чуть ли ни центром обеспечения людей желудями до того времени, пока Церера не научила людей выращивать злаковые культуры, была доведена Вергилием (...prima Ceres ferro mortalis uertere terram instituit, cum iam glandes atque arbuta sacrae deficerent siluae et uictum Dodona negaret (Verg. Gerg. I. 147–149)). Мысль об употреблении желудей в пищу на ранних этапах истории человечества была с осторожностью принята и некоторыми современными учеными. По их мнению, сладкие сорта желудей могли употребляться жителями некоторых средиземноморских стран (Parke 1967, 29). Современная кухня знает ряд рецептов изготовления блюд из желудей (при этом в пищу идут сладкие сорта), однако для этого требуются сложные манипуляции, которые, по нашему мнению, в голодные годы мог использовать и древний человек. Таким образом дуб, как таковой, предстает перед нами еще в одной своей ипостаси: как кормилец нуждающихся в пище местных жителей.

С другой стороны, нельзя не отметить, что древние греки, будучи людьми набожными и суеверными слепо верили различным прорицаниям. То, что они называли искусством прорицания, было способностью интерпретации сигналов, которые посылались им богами. В свою очередь, сигнал бога был инструментом посредничества между знанием богов и более ограниченным знанием людей (Flower 2008, 72).

Оговоримся сразу: роль священного дерева (в данном случае – дуба) в мантике Додоны никогда не была четко определена (Сурнов 2004, 58). Источники не дают нам определенного ответа на вопрос, каким образом Зевс посредством священного дуба передавал свою волю просителям: шелестом листьев, скрипом ветвей, звоном гирлянд, развешенных на ветвях дуба или же посредством бормотанья служителей-селлов, передающих волю богов.

В качестве духовного единения божества, растения и человека можно рассматривать священный дуб, который являлся одним из символов Додонского оракула. Сомнения о том, что это был именно дуб, а не какое-либо иное дерево, высказанное в свое время М.П. Нильссоном (Nilsson 1967, 426), на сегодняшний день отвергнуто большинством исследователей.

Космология многих ранних культур включала мифическое дерево, которое было осью мира, с ветвями, уходящими далеко в небеса, и корнями, проникающими в подземный мир (Hamilton 2002, 58). Культ священного дуба в Додоне носил хтонический характер и, видимо, был связан с культом Матери-Земли (Rigoglioso 2009, 141). Его хтоничность могла проследиваться в том, что корни священного дуба уходили глубоко в нижний слой земли (χθών). Еще одним подтверждением этому служило то, что именно из корней этого дуба бил священный источник, вода которого обладала чудодейственными свойствами, вплоть до способности воспламенять опущенные в них факелы (Plin. Nat.hist. II. 28; Solin. VII.2; Aug. XXI. 5; Servius. Comment. in Verg. Aen. I. 1.; см также: Machnig 1885, 7).

Определимся с терминологией, которую использовали античные авторы. Греческие авторы со времен Гомера, для обозначения дуба использовали термин *φῆγος* который в «Илиаде» употребляется не один раз, при этом словом *δρῦς* греки именовали вообще все деревья семейства буковых (Pötscher 1966, 123). В римских источниках дуб называли *quercus*, при этом немецкий исследователь Б. Герцхофф приводит весь перечень представителей этого семейства (Herzhoff 1990, 391–395). Однако в нашу задачу не входит точное определение разновидности произрастающих в окрестностях Додоны дубов, как это пытаются сделать современные исследователи (Herzhoff 1990, 401–404), но едва ли это повлияет на понимание нами менталитета древних греков.

В классической Греции не было деревьев, напрямую связанных с пророчествами кроме дуба, главным образом, додонского. Как известно, в Аркадии существовал культ Зевса Ликейского, который также был связан с дубом, но наш единственный источник ничего не говорит о его пророческой функции (Paus. VIII. 38.4). Нельзя также не упомянуть тот факт, что в фессалийском городе Скотуссе существовавший здесь культ Зевса носил название *φεγωναῖος* (Suid. ap Steph. Byz. s.v. Δωδώνη).

Хотелось бы указать еще на одно обстоятельство, отмеченное рядом зарубежных исследователей – на некую визуальную связь между священными группами деревьев и храмами. А. Эванс в своем исследовании, посвященном культу деревьев и колонн в Микенскую эпоху, предположил, что деревянные и каменные колонны древнегреческих храмов, напоминающие стволы деревьев, считались способными вмещать в себе души священных деревьев и бога или богиню. Существует предположение, что греческий храм с его множеством каменных колонн мог быть архитектурным способом символизировать священную рощу (Harrison 1992). Даже готические соборы Европы с их внушительными колоннами могут иметь символическую (как деревья) архитектурную ценность. Указанное выше утверждение находит свое подтверждение именно в Додоне, где определенный период на сакральной территории святилища (теменосе) примерно до IV в. до н. э. отсутствовали стены храма (Dakaris 1994, 13–14; Johnston 2008, 62).

Другой вопрос, который также возник у ряда исследователей, существовал ли дуб в единственном числе или же их было несколько? Кажущийся на первый взгляд вполне естественным ответ на этот вопрос, что дуб был один, вдруг начал вызывать некоторые сомнения. Первые упоминания о додонском дубе мы встречаем у Гомера в «Одиссее»: про Одиссея же сказал, что сам он в Додону уехал, чтобы из священного дуба услышать вещание Зевса (Hom. Od. XIV. 327–329). Но все-таки главный наш авторитет по истории Додонского оракула Геродот недвусмысленно сообщает об одном священном дубе, где было основано святилище (Herod. II. 56). Также о дубе, слова которого были пророческими, в единственном числе упоминает Платон в диалоге «Федр» (Plat. Phaed. 275b). Далее традицию о единственном дубе продолжил автор II в. Павсаний, причем упоминание этого факта мы находим сразу в двух пассажах (Paus. I. 17.5; XVIII. 23.4). Из римских авторов, упоминавших Додону, поэт Вергилий в «Георгиках» упоминает священный дуб также в единственном числе: «...с пышной кроной и дуб, что у греков оракулом признан» (Verg. II. 15–16). С другой стороны, у Эсхила мы находим выражение, свидетельствующее сразу о нескольких дубах: «о вещие, о диво, те дубы растут...» (Prom. Vinc., 832). Кажущееся на первый взгляд противоречие легко объяснимо: у Эсхила это просто поэтическая фигура речи, не отражающая историческую реальность. Но возможно и то, что имелись в виду и другие дубы, которые росли в окрестностях Додоны. Но священный дуб был один и располагался он не среди других дубов, а именно на территории самого святилища.

Могла ли обладать ореолом сакральности целая роща или лес? Само по себе это возможно и не должно вызывать никакого удивления: во многих ми-

ровых культурах сами по себе священные рощи, без святилищ и храмов в человеческом воображении являлись обителью божеств или уважаемых предков (Hamilton 2003, 65–66). Возникшее еще в античную эпоху мнение, возможно, имело под собой объективную основу: и сегодня в окрестностях Додоны произрастают дубовые рощи (Kleitsas 2021, 49).

Сакральность самого дуба, по нашему мнению, определяется тем, что он, во-первых, располагался на территории самого теменоса, во-вторых, служил своего рода ретранслятором воли владыки богов Зевса. Перед нами здесь триединая связь: человек (вопрошающий) – священный дуб (ретранслятор воли Зевса) – вещатель (верховное божество). Сам по себе дуб, в случае выпадения из этой связки, становится обычным растением, теряя свой сакральный облик. Однако любое покушение на священное дерево, в данном случае, дуб, считалось кощунством, ибо оно находилось под защитой высших сил. Подобное явление мы наблюдаем и в Додоне. Согласно одной из сохранившихся легенд, некий дровосек однажды попытался топором срубить священное дерево, но грозный голос свыше приказал ему прекратить это святотатство (Philostr. Imag. II. 73). Однако не только сам дуб в Додоне, но и его отдельные части обладали чудодейственными способностями и могли служить рупором воли бога богов. В этой связи нельзя не указать на упоминаемый рядом исследователей, переданный Аполлоном Родосским мифологический сюжет о том, что нос корабля Арго, сделанный из дерева додонского дуба, был способен вещать волю Зевса (Apoll. Rhod. I. 19.16).

Еще одну важную проблему перед исследователями поставил В. Парк. Это вопрос о долговечности не только додонского, но и любого дуба вообще. Для поэтов всех времен и народов он всегда служил вдохновляющим примером огромного долголетия. Но даже если бы он существовал более 500 лет, примерно 700 или даже 800 лет, его существованию должен был быть какой-то предел. Если во времена Гомера (VIII в. до н.э.) священный дуб Додоны уже являлся местом поклонения паломников, то весьма сомнительно, что он мог служить таковым в период эллинизма (конец IV – I вв. до н.э.). Также едва ли возможна пересадка молодого дуба на место старого засохшего: во-первых, нам такие примеры из истории абсолютно неизвестны, и во-вторых, подобный факт непременно был бы зафиксирован античными авторами. В. Парк выдвигает версию о том, что жрецы, увидев начало засыхания старого ствола дерева, теоретически могли бы посадить в него новый желудь и т. о. продлить ему жизнь, но тут же сам отвергает это предположение, оставляя этот вопрос открытым (Parke 1967, 31).

Идею почитания дуба в качестве священного дерева Зевса – Юпитера от греков не только подхватили, но и развили древние римляне. Так, Ромул возложив на Капитолии у растущего здесь священного дуба доспехи вождя побежденного римлянами войска, определил это место для будущего храма Юпитера (Liv. I. 10. 5) Когда к эквам явились римские послы для переговоров, а их вождь, сославшись на занятость, предложил римлянам передать все их жалобы росшему неподалеку священному дубу, один из римских послов, отойдя в тень, которую отбрасывали ветви дуба, обратился к небесным силам с просьбой наказать тех, кто нарушает законы (Liv. III. 25.7–9). И здесь священный дуб, как мы видим, выполняет роль передатчика просьбы человека к богам. Зевс органично перешел в Юпитера, но ретранслятор его воли, священный дуб, остался при нем.

Последнее упоминание о додонском дубе относятся к IV в., когда ярый адепт христианства император Феодосий отдал приказ срубить этот важный символ язычества. Практически одновременно с этим произошел полный упадок Dodonского святилища. Появление на территории священного темени христианской базилики (Nicol 1958, 130), на наш взгляд, весьма характерно: это должно было означать, что, по крайней мере, для местного населения сакральный характер территории продолжал сохраняться. Хотя и без одного из главных своих символов – священного дуба.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреев, Ю.В. (1998) *Цена свободы и гармонии*. Санкт-Петербург.
- Кайгородов, Д. Н. (1897) *Беседы о русском лесе*. Санкт-Петербург.
- Фрезер, Дж. (2003) *Фольклор в Ветхом Завете*. Москва.
- Curnov, T. (2004) *The Oracles of Ancient World*. London.
- Dakaris, S. (1994) *Dodona*. Athens.
- Evans, A. (1901) Mycenaean tree and pillar cult. *The Journal of Hellenic Studies*, 21, 1–103.
- Johnston, S. I. (2008) *Ancient Greek Divination*. Oxford.
- Faulstich, P. (1998) "Geophilia," *Wild Earth* 8.1, 81–89.
- Flower, M. A. (2008) *The Seer in Ancient Greece*. Berkely / Los Angeles.
- Hamilton, L. S. (2002) "Forest and Tree Conservation Through Metaphysical Constraints," *The George Wright Forum* 19.3, 57–78.
- Harrison, R.G. (1992) *Forests: The Shadows of Civilization*. Chicago.
- Herzhoft, B. F. (1990) "Φηγός: Zur Identifikation eines umstrittenen, *Klio*," *Zeitschrift für Klassische Philologie* 118.3, 257–272; 385–404.
- Kleitsas, X. N. (2021) *The Early Dodona (1500–800 BC)*. *The Bronze Artefacts*. Ioannina.
- Machnig, J. (1885) *De oraculo Dodonaeo capita quinque*. Breslay.
- Nicol, D. (1958) "The Oracle of Dodona," *Greece and Rome* 5, 128–143.

Nilsson, M. P. (1967) *Geschichte der griechischen Religion*. München.

Parke, H. W. (1967) *The Oracle of Zeus. Dodona, Olympia, Ammon*. Cambridge, Mass.

Pötscher, W. (1966) "Zeus Naios und Diona in Dodona," *Mnemosyne* 19.2, 113–147.

Rigoglioso, M. (2009) *The Cult of Divine Birth in Ancient Greek*. New York.

Wilson, E.O. (1984) *Biophilia*. Cambridge, Mass.

References in Russian:

Andreev, J.V. (1998) *Tsena svobody i garmonii*. St Petersburg.

Kaygorodov, D. N. (1897) *Besedy o russkom lese*. St Petersburg.

Frezer, D. (2003) *Folklor v Vetchom Zavete*. Moscow.